

Епископ Переславский и Угличский Феокист

Я не верю в технологии миссии, я верю в людей

Переславская епархия отмечает в этом году пятилетие своего возрождения, а образована она была в 1744 году. В Переславле родился святой благоверный князь Александр Невский, юбилей которого страна будет отмечать в следующем году. В чем главная задача правящего архиерея, почему служить здесь мечтают многие священники и есть ли необходимость в специальной повседневной светской одежде для духовенства, «Журналу Московской Патриархии» рассказал епископ Переславский и Угличский Феокист (Игумнов).

«Переславль — это не пустыня»

— Ваше Преосвященство, что бы вы порекомендовали посмотреть в Переславле-Залесском в первую очередь?

— Безусловно, Спасо-Преображенский собор, где крестили святого благоверного князя Александра Невского, храм Сорока мучеников Севастийских с видом на Плещеево озеро. А еще, пожалуй, один из самых древних в России монастырей — Никитский. В этом году ему исполнится 1010 лет.

— Каким было ваше первое впечатление от Переславля и его храмов? Изменилось ли оно со временем?

— Я вырос в Удмуртии, был викарным архиереем в Волгограде, где такой старины нет. Например, самые древние храмы Удмуртии были построены в первой половине XIX века,

Спасо-Преображенский собор г. Переславля заложен в 1152 г. Юрием Долгоруким и достроен в 1157 г. при Андрее Боголюбском. При последней реставрации в 2015 г. на его стенах обнаружили несколько древнерусских граффити, в том числе надпись-сообщение XII в. об убийстве князя Андрея Боголюбского и список имен его убийц. В настоящее время здание собора занимает Переславль-Залесский музей-заповедник. Распоряжением Правительства РФ от 31 декабря 2015 г. признан особо ценным объектом культурного наследия

Епископ Переславский и Угличский Феокист.

Родился в Харькове в 1977 г. В 1999 г. окончил Ижевский государственный технический университет. Во время обучения в аспирантуре несл послушание алтарника в кафедральном соборе Святого благоверного князя Александра Невского в Ижевске. Там же в 2002 г. был рукоположен в сан диакона. В 2007 г. поступил на дневное отделение Московской духовной семинарии. В 2008 г. был рукоположен в сан пресвитера, в 2010 г. принял монашеский постриг. В 2016–2018 гг. — заместитель председателя Издательского совета Русской Православной Церкви. В 2014–2018 гг. — настоятель храма Рождества Христова в Митине г. Москвы. В мае 2018 г. избран епископом Городищенским, викарием Волгоградской епархии; был рукоположен во епископа 3 июня 2018 г. С декабря того же года — епископ Переславский и Угличский.

а в Волгограде почти все было уничтожено в XX столетии. К счастью, несколько храмов XVIII века уцелели в отдельных станицах. Поэтому, когда я впервые зашел в храм Похвалы Божией Матери (XV в.) в Даниловом монастыре Переславля, меня охватило чувство такого восхищения его красотой и древностью, что я сказал сопровождавшим меня священникам: «Извините, но дальше я идти не могу, мне надо постоять и пережить тот восторг, который меня сейчас объял». Настолько это меня потрясло.

Это чувство не покидает меня до сих пор, хотя я уже около двух лет занимаю Переславскую кафедру. То, что Бог судил мне нести здесь послушание, я считаю незаслуженным счастьем.

— *Когда вы только начали управлять Переславской епархией, какие мысли и планы у вас появились по совершенствованию ее духовной жизни?*

— Переславль — это не пустыня, где нужно начинать все с нуля. В Средние века это был своего рода эпицентр русской святости. Здесь подвизались благоверный князь Андрей Смоленский, основатели монастырей преподобные Никита Столпник, Даниил Переславский и Димитрий Прилуцкий. Есть сведения о том, что именно здесь — в Переславле — был возведен в сан игумена преподобный Сергей Радонежский.

Поэтому я не думал о каких-то переменах. Я чувствовал и понимал, что надо осмотреться и постараться стать здесь своим, чтобы эта святая земля усыновила меня, приняла. А вот если говорить о паломничестве, то есть над чем работать. Например, важный момент — это знаки навигации на территории монастырей. Сейчас мы устанавливаем в каждом из них указатели, которые дают базовую информацию о храмах обители, святых и святынях, думаем над идеей аудиогидов, обустраиваем трапезные. Кроме того, с целью просвещения соотечественников мы изменили формат епархиального журнала

«Ковчег», сделав его религиозно-краеведческим. В нем можно выбрать для себя те места, которые надо обязательно посетить, и еще до поездки узнать основные сведения о них.

— Это правда, что в Переславской епархии нет кадровой проблемы?

— Да. Так сложилось, что наш регион очень привлекателен для духовенства, потому что, с одной стороны, мы находимся рядом с Москвой (в 140 км), а с другой — людей сюда притягивает история и древние святыни. Поэтому я могу положительно ответить лишь на одно из 10 обращений о приеме в клир епархии. Наверное, уникальная ситуация, если говорить о провинциальных епархиях нашей Церкви.

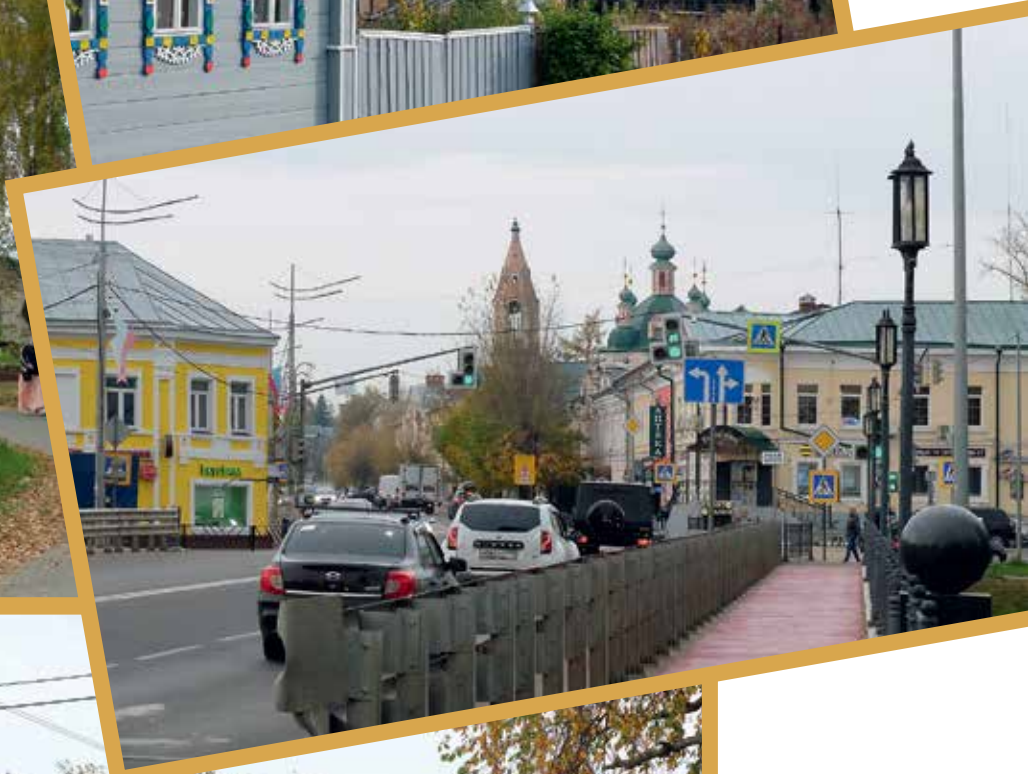
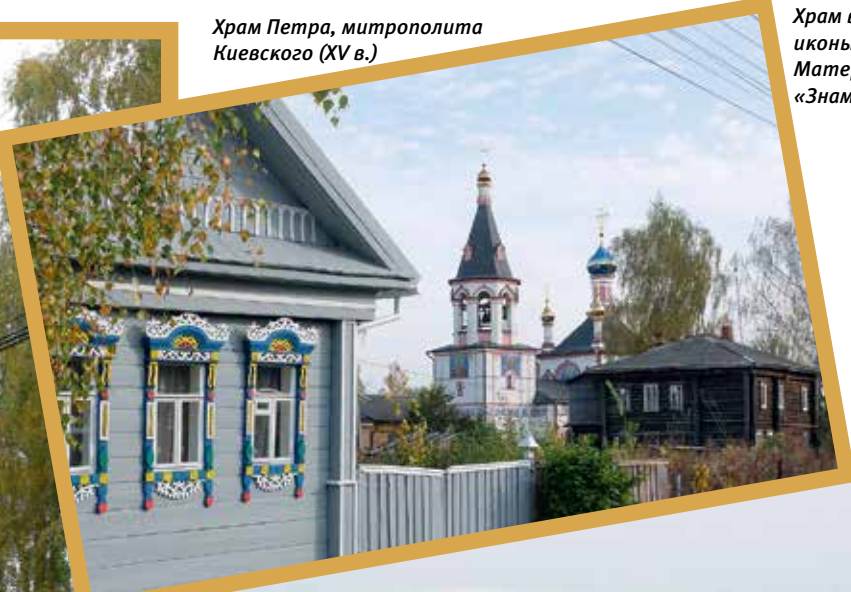
— Кто же эти священники, прошедшие такой строгий конкурсный отбор?

— Большинство наших батюшек — это в прямом смысле слова подвижники. Здесь только те, кто пришел в Церковь с искренним желанием служить Христу. Почти все эти священники живут в сельской местности, у них многодетные

Храм Петра, митрополита Киевского (XV в.)

Храм в честь иконы Божией Матери «Знамение»

Памятник свт. Луке Крымскому в Феодоровском женском монастыре

Храм прп. Симеона Столпника

*Свято-Троицкий
Данилов монастырь*

семьи. И часто бывает так, что их приход — это, собственно, их семья, то есть среди молящихся нет никого, кроме членов одной семьи. Конечно, в дачный сезон ситуация немного иная, но большую часть времени это именно так: отец семейства служит, его супруга поет, а дети помогают родителям — больше в храме никого нет.

Приходы у нас небогатые, и священники выживают в основном за счет сельского хозяйства. Причем этот свой крест они несут сознательно. В старину таких называли бессребрениками. Иногда бывает, что, узнав об этом, стремящиеся здесь служить батюшки отказываются от своего желания.

— Какой средний возраст местного духовенства? Есть ли что-то, что беспокоит вас в отношении здешних священников?

— В основном клирикам епархии больше 40 лет. Тех, кто моложе, можно пересчитать буквально по пальцам. Многие приняли сан, уже будучи духовно зрелыми людьми, у них давно сложился свой жизненный уклад, выросли дети.

Беспокоит меня то, что не все наши священники получили богословское образование. К сожалению, у некоторых из них представления о вероучении Православной Церкви и духовной жизни весьма своеобразные. Конечно, подобное встречается и в других епархиях и зачастую при-

водит к уклонению в расколы. Нам, слава Богу, удается избегать таких последствий слабой образованности клириков. Правда, можно встретить тех, кто довольно авторитарен в своей духовнической практике, кто в своих советах противоречит сложившейся в Русской Православной Церкви практике духовного окормления. С такими священниками мы проводим индивидуальные беседы. Как правило, этого достаточно для исправления ситуации.

Епископское пастырство

— В одном из интервью вы упомянули о епископском пастырстве как форме архиерейской духовной заботы о духовенстве. Чем оно отличается от общепринятого понятия пастырства?

— Я сейчас пытаюсь осмыслить это понятие, ориентируясь в том числе на общение с более опытными архиереями. Для приходского священника община храма — это его большая семья. Его знают прихожане, а он знает их, знает о проблемах каждого. Священник существует внутри конкретной общины, и его пастырство заключается в заботе об этом круге людей.

А у архиерея другой образ жизни и служения. Он не может находиться в одном месте с одними и теми же людьми, он постоянно служит на разных приходах. Поэтому для прихожан он как

Феодоровский собор одноименного женского монастыря

залетная птица. У него нет возможности наладить с ними регулярное близкое общение.

Основная паства архиерея — это клирики той епархии, в которой он служит. Он старается вникать в их проблемы, больше узнавать об их жизни. Конечно, это возможно, только если священник сам обращается к нему с какими-то просьбами или вопросами. И здесь в первую очередь необходимо преодолеть определенную дистанцию, потому что для священников правящий архиерей не только пастырь, но еще и начальник, и, естественно, это вызывает определенный страх и напряжение. В меру своих сил я пытаюсь эту дистанцию сократить, а в идеале — устранить вовсе. Например, стараюсь применять канонические прещения только к тем, кто сам об этом попросит, кто понимает, что ему необходима именно такая помощь в исправлении. Я пытаюсь помочь священникам это осознать, а не просто даю указы о запрещении в служении или еще о какой-то форме прещения.

— *Это общение тет-а-тет?*

*Успенский собор Горицкого монастыря
(в настоящее время музей)*

После освящения
храма в честь
св. блгв.
императора
Юстиниана.
Село Годеново.
9 октября 2020 г.

— Часто да. Священники приезжают ко мне, мы пьем чай, беседуем. Стараемся делать это максимально неформально. Есть самые разные способы коммуникации (по телефону, в социальных сетях, на каких-то совместных мероприятиях), но это всегда индивидуально. Ведь каждый из батюшек такой же человек, как и я, — со своей болью, со своими сложностями и грехами. И я стараюсь быть для духовенства старшим братом. Тем, к кому совершенно не страшно обращаться за помощью. Я вижу, что священникам необходимо именно такое человеческое общение с архиереем, неформальное, теплое, братское. Наверное, каждому из нас нужен старший, к которому можно обратиться в сложной ситуации и о чем-то поговорить. Даже если ты не получишь совета, сам факт, что тебя выслушали, посочувствовали, прониклись твоей проблемой, уже очень важен.

Поэтому свою пастырскую задачу я вижу в том, чтобы защищать, помогать и поддерживать своих батюшек. А если они ошибаются — максимально мягко направлять и подсказывать.

— *А бывало, что прихожане жаловались на своего священника?*

— Такое бывает, но каждый конкретный случай надо рассматривать отдельно. Дело в том, что чаще всего жалуется кто-то один. По апостолу Павлу, архипастырь не может принимать свидетельство обвинения на клирика без двух или трех свидетелей. *Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях* (1 Тим. 5, 19). И я всегда прошу привести других свидетелей. Как правило, их не находится. Правда, был случай, когда прихожане одного из храмов узнали, что священник, который был принят в нашу епархию еще до моего назначения, второй раз женат. Это их очень смутило. И они попросили этого батюшку перевести с прихода. Мы с ним поговорили — и ему пришлось уйти.

Под покровом святого князя

— *Некоторые события вашей жизни связаны с именем благоверного князя Александра Невского. Есть ощущение, что вы живете под его покровом?*

— Присутствие в моей жизни святого князя стало таким естественным, что я к этому даже привык. Это как воздух — ты его не замечаешь,

пока он есть. Этот угодник Божий всегда меня поддерживает. В каких-то сложных ситуациях, когда передо мной стоит дилемма, как поступить, я всегда обращаюсь к нему с молитвой.

Меня поражает то, как святой князь отзывается на мои просьбы. Вспоминается случай, который произошел за несколько лет до моего воцерковления. Мы с друзьями тогда еще были студентами, гуляли по центру Ижевска. И кто-то из них указал на новое красивое здание (это был банк), сказав, что хотел бы работать здесь после университета. А мне почему-то захотелось ответить на это заявлением чем-то вызывающим, провокационным, таким, чего от меня никто не ждал. Я увидел за домами купол собора Александра Невского, указал на храм и сказал, что хотел бы работать там. На тот момент это была юношеская шутка и позерство. Но через несколько лет я действительно стал клириком собора и прослужил в нем пять лет.

Нечто подобное было и в Переславле. Впервые я побывал здесь летом 2017 года с «молодежкой» храма Рождества Христова в Митине, где я тогда служил настоятелем. Мы проголодались и зашли в пиццерию в центре города. Поели, вышли на крыльцо, я осмотрелся и сказал: «Хороший городок! Пожить бы в нем!» Сказал и забыл — а об этих словах мне напомнила митинская молодежь, когда я стал переславским епископом.

— Как в епархии планируется отметить предстоящий 800-летний юбилей со дня рождения святого Александра Невского?

— На масштабные торжества ресурсов у нас пока нет, но богослужения, выставки, концерты, презентации, лекции, форумы силами епархии и приходов, конечно, будут организованы. Кроме того, епархия активно участвует в создании портала, посвященного святому благоверному князю Александру Невскому. Эта работа проводится в рамках президентского гранта, который получил Центр информационных технологий Московской духовной академии. На этом портале будет собрана вся доступная научная информация о личности святого князя и той эпохе, в которую он жил. Надеемся также найти средства на хотя бы частичную реставрацию храмов на Красной площади¹, которые находятся в ведении епархии.

— Есть ли надежда, что Свято-Преображенский собор — одну из главных святынь Пе-

*Памятник
св. Александру
Невскому
возле Спасо-
Преображенского
собора*

реславской епархии — к юбилею святого князя все-таки передадут Церкви?

— Спасо-Преображенский собор Переславля-Залесского входит в категорию особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. Он не подлежит передаче каким-либо организациям, в том числе и Церкви. Поэтому получить его в пользование мы не можем. Он принадлежит государству, которое занимается его сохранением и реставрацией, проводит исследования. В некоторые памятные даты, например 12 сентября, в день перенесения мощей святого Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург, и в праздник Преображения Господня, мы совершаем там Божественную литургию. В остальные дни он действует только как музей.

*Никольский собор
одноименного
женского
монастыря (слева)*

*Храм св. блгв.
кн. Александра
Невского
(Красная площадь)*

Но даже если бы государство предложило епархии передать собор в ее собственность, мы не смогли бы это сделать, потому что тогда не будет государственной поддержки. А у епархии нет средств на содержание собора.

На Красной площади стоят четыре храма. Три из них составляют комплекс Владимирского кафедрального собора, и в них ежедневно совершаются богослужения. Каждый храм требует капитального ремонта — это около 200 млн руб. Где их взять? Особенно с учетом того, что в Переславской епархии более 100 из 214 храмов нуждаются в реставрации: они либо руинированные, либо аварийные. И на каждый из аварийных храмов, я думаю, надо полмиллиарда рублей. При этом в границах епархии проживает 100 тыс. человек, крупных производств нет, добыча полезных ископаемых тоже не ведется. Наш регион очень бедный, поэтому восстанавливать храмы, содержать их своими силами мы не можем, нам нужна помощь со стороны.

— На ваш взгляд, у этой проблемы есть решение?

— Есть, но без участия государства и без изменений подхода к содержанию и функционированию объектов культурного наследия на государственном уровне это невозможно. Для нас храм — это дом Божий, место молитвы. Он должен быть для этого приспособлен, что иногда требует изменения его конструкции, но действующие законы это запрещают.

Справедливости ради скажу, что благодаря частным пожертвованиям кое-что все-таки удастся вернуть к жизни. Вот мы беседуем с вами в Феодоровском монастыре (в Епархиальном управлении. — *Ред.*). Он восстановлен на пожертвования меценатов. Наша молитва была услышана — и Господь положил на сердце людям, у которых есть возможность, помочь Церкви. Надеюсь, что наша земля не оскудеет такими людьми, что Господь и дальше через них будет поддерживать Свою Церковь.

Миссия как приоритет

— В чем вы видите сегодня главные задачи Переславской епархии?

— Для меня очень важный вопрос — это православная миссия, и в первую очередь среди тех, кто родился и вырос на Переславской земле. Хотя количество воцерковленных людей у нас больше,

чем в среднем по стране (на одного священника приходится около 700 человек), однако очень многие наши земляки миссией еще не охвачены. Те, кто родился и вырос в таких исторических городах с большим количеством святынь, воспринимают их как что-то само собой разумеющееся и не интересуются этим. Тут нужен свой подход, своя методика, над которой мы в епархии сейчас работаем. Конечно, в первую очередь мы озабочены миссией среди молодежи. В других епархиях очень хорошо себя зарекомендовало церковное скаутское движение, мы хотим попробовать развить это направление работы.

— То есть «проповедь в камне», даже если это храм XII века, не для всех?

и своим внешним видом привлек внимание каких-то неоязычников-родноверов, которые стали меня оскорблять. Заявляли в том числе, что от меня и таких, как я, необходимо очистить Русскую землю. Более того, когда я бываю в Москве в подобающей моему сану одежде, я периодически ловлю на себе неприязненные взгляды. И несколько раз ко мне подходили разные люди и говорили, что хотели бы меня убить, что ненавидят меня и ту организацию, которую я представляю. Поэтому не могу сказать, есть ли в повседневном ношении священнической одежды какой-то миссионерский смысл.

— Наверное, не для всех. Хотя тут еще от самой архитектуры многое зависит. Например, я вырос в светской, далекой от веры семье и, конечно, влюбился в архитектуру наших русских храмов.

— Существуют и другие формы «молчаливой проповеди». Как вы считаете, священник должен ходить в подряснике или в рясе вне храма?

— Для меня это сложный вопрос, и есть разные точки зрения. Проповедь это или нет — не могу сказать. Например, недавно я шел по Москве в подряснике мимо Чистых прудов

Никитский мужской монастырь. XII в.

В этом контексте мне интересно другое. Хотя не все со мной согласятся, но я думаю, что сегодня у священнослужителей должна быть своя светская повседневная одежда, какой-то свой дресс-код. Но тогда нужно требовать его неукоснительного соблюдения. Как, например, у семинаристов. Они не ходят в подрясниках и рясах, но носят костюмы особенного покроя.

Кстати, до реформ Патриарха Никона одежда духовенства на Руси не сильно отличалась от одежды мирян, хотя у нее и были свои особенности — цвет, покрой. А если сегодня поставить рядом современно одетого человека и священника — они зачастую будут выглядеть как представители двух разных цивилизаций, настолько радикальны отличия в их внешнем виде. Конечно, это мое личное мнение. Тем не менее я думаю, что такой пропасти между светским и клирическим костюмами быть не должно, так как в том числе и это приводит к разобщенности между мирянами и духовенством. Поэтому должен быть выбор — подрясник или светский костюм для священника.

Не секрет, что мало кто из священников постоянно ходит в подряснике и рясе, так как это попросту функционально неудобно. Это хорошо, когда тебя везут, дверь открывают. А попробуй это сделать сам. Сидеть за рулем в рясе и выходить в этом облачении из машины очень неудобно. Особенно в межсезонье, когда кругом грязь. Поэтому я не требую, чтобы наши священники всегда и везде были в подрясниках. Но, на мой взгляд, также недопустимо, когда священники одеваются как попало.

Вместе с тем лично для меня подрясник и скуфья имеют символическое значение. Эта одежда была маркером для врагов Церкви, и все же духовенство, зная об этом, принципиально одевалось таким образом. А мы являемся их духовными наследниками. Я решил для себя, что в память об этих людях буду ходить так, как хожу, — в подряснике. Но еще раз подчеркну: мне в этом смысле проще, у меня нет необходимости ходить на рынки или передвигаться пешком по проселочным дорогам. Даже в метро я бываю очень редко.

«Человеку нужен человек»

— *Переславль — один из самых посещаемых городов Золотого кольца России. По раз-*

ным оценкам СМИ, в год сюда приезжают от 1,5 до 2 млн туристов. Откройте секрет, у вас есть какие-то особые технологии миссии именно для туристов?

— Я не верю в технологии миссии, я верю в людей, личности. Представьте себе, человек приезжает к нам, скажем, в Данилов монастырь, ничего о нем не зная. Встречает там насельников, присутствует на богослужении, общается с монашествующими. И, знакомясь с ними, слушая их, начинает что-то осмыслять и, может быть, через это постепенно приближается к Церкви. Я думаю, что это работает вот таким образом. Миссия — это не что-то безличное. Не какие-то методички, пособия или книжки. Это всегда про людей. И мы это осознаем и стараемся сами, каждый на своем месте, быть живым миссионерским фактором для тех, кто приезжает. Быть открытыми для каждого, кто хочет больше узнать о нашей православной вере.

— *Знаю одного священника в таком же «туристическом» городе, который и храм восстановил, и обустроил возле храма красивую набережную, сделал детскую площадку и много чего еще. К нему в храм народ валом валит, в том числе и туристы. Разве это не технология?*

— Да, я слышал о таких примерах. Но стоит архиерею поменять там настоятеля, назначить другого священника — и может так случиться, что через полгода от прихода останутся три бабушки. Люди просто перестанут туда ездить. Хотя и место живописное, и сам храм прекрасный, уютный, в историческом месте. Просто настоятель разгонит всех. Это может произойти в любом монастыре и храме. А может быть наоборот — когда растет поток приезжающих и число постоянных прихожан. Все зависит от человека. Важно понимать, что едут туда и к тому, кого знают. Те настоятели и настоятельницы, которые уже несколько десятилетий несут свое послушание, конечно, успели стяжать и любовь, и уважение, и известность, и люди едут именно к ним. Человеку нужен человек.

Беседовал Алексей Реутский

Фото автора и из архива Переславской епархии

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ На Красной площади Переславля находится четыре храма: Владимирской иконы Божией Матери, Св. блгв. кн. Александра Невского, Петра, митрополита Киевского и Преображенский собор.